

Н. Гринякинъ.

Міровая война за миръ и свободу.

(Религіозныя размышленія о настоящей войнѣ).

Изданіе В. М. Скворцова.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Колоколъ“, Невскій, 127.
1914.

Н. Гринякинъ.

Міровая война
за миръ и свободу.

Замѣченныя опечатки.

Страница,	строка снизу		напечатано:	слѣдуетъ читать:
3	19	„	гроогласной	громогласной
11	3	„	«филсофію»	«философію»
—	2	„	защит	защита
—	1	„	оказалось	оказалась
17	26	„	утихоъс спккахъ	скихъ поступкахъ
—	6	„	ожно	можно
19	7	„	навъ апокалмпсическая	насъ апокалипсическая
—	5	„	еп. Павелъ	ап. Павелъ

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Колоколъ", Невскій, 127.
1914.

Н. Гринякинъ.

Міровая война за миръ и свободу.

(Религіозныя размышленія о настоящей войнѣ).

Изданіе В. М. Скворцова.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Колоколъ", Невскій, 127.
1914.

Міровая война за миръ и свободу.

(Религіозныя размышленія о настоящей войнѣ).

«И увидѣлъ я... звѣря, выходящаго изъ земли; онъ... говорилъ какъ драконъ. Онъ дѣйствуетъ предъ нимъ со всею властью... звѣря и заставляетъ всю землю и живущихъ на ней поклоняться звѣрю» (Откр. 13, 11—18).

«Нынѣ судъ міру сему; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ» (Іоан. 12, 31).

I.

На стражѣ мира.

«Судъ идетъ,—прошу встать!»—обычно возглашаетъ судебный приставъ, при выходѣ суда въ залу засѣданій. И всѣ встаютъ и благоговѣйно взираютъ на судъ.

«Страшный судъ идетъ!»—гроогласной трубой апокалипсическаго ангела потрясла нынѣ поднебесную вѣсть о настоящей міровой войнѣ. И всѣ народы земли въ священномъ трепетѣ «встали» предъ страшнымъ судилищемъ.

Судъ идетъ надъ тевтонскимъ дракономъ, давно гнѣздившимся въ австрійской и германской имперіяхъ и нынѣ поднявшимъ свою страшную голову въ образѣ германскаго императора Вильгельма II-го. Звѣрь этотъ гордо и властно объявилъ и по звѣрски началъ войну противъ самыхъ могущественныхъ христіанскихъ государствъ въ мірѣ — Россіи, Франціи и Англіи, а въ лицѣ ихъ—и всей міровой культуры — плодовъ тысячелѣтняго творчества человѣческаго генія. И мы уже видимъ знаменія этой титанической брани между звѣремъ и человѣкомъ—«кровь и огонь и куреніе дыма».

Войну эту называютъ Отечественной,—опредѣленіе слишкомъ узкое: въ этой войнѣ мы и союзники наши не только ограждаемъ достоинство и безопасность своего Отечества, но идемъ на-смерть, «дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію» (слова Высоч. манифеста 26 іюля 1914 г.). Именуютъ эту войну, далѣе, общеевропейской—это не точно: въ ней участвуютъ оба полушарія

земли и всѣ части свѣта (въ колоніяхъ воюющихъ сторонъ). Ее считаютъ борьбой расъ—германской и славянской, это не совсѣмъ вѣрно: воюющіе противъ тевтонскихъ имперій французы, англичане, бельгійцы и японцы—не славяне; не славяне также испанцы, португальцы и итальянцы и Марокко: а всѣ эти народы уже взялись за рукоятку меча противъ австро-германскаго дракона и не во имя славянства. Говорятъ, что это—міровая или всемірная война. Но этого мало: этимъ указывается только площадь ея театра,—т. е. вся поверхность земного шара—суши и воды, но не обозначается ея существа, предмета кроваваго смертоноснаго спора. А обозначить его нужно. Онъ катастрофно серьезенъ для всего человѣчества. Это сознается всѣмъ культурнымъ міромъ, и если не до словорыразительной ясности, то, по крайней мѣрѣ, чувствомъ понимается всей семьей цивилизованныхъ народовъ, безъ различія широты и долготы земного шара, безъ различія расъ, племенъ, религій, языковъ, государственнаго строя, международнаго положенія, гражданскаго и экономическаго быта, политическихъ убѣжденій, темноты и учености, и т. д. и т. д.; словомъ, всѣми, въ комъ хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь сохранился еще человѣкъ, какъ образъ Божій. Сознавая или чувствуя такое потрясающее значеніе настоящей войны, весь культурный міръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, клеймитъ позоромъ имя виновника этой міропотрясающей войны, въ которомъ воплотился двурогій тевтонскій звѣрь, какъ фактическомъ повелителѣ двухъ союзныхъ швабскихъ имперій — германской явно, а австрійской тайно, — проклятое отнынѣ имя императора Вильгельма II-го.

Солидарность народовъ земли тутъ поистинѣ трогательная. Гдѣ-же причина такой солидарности? Говорятъ—въ Отечествѣ,—т. е., стихійномъ чувствѣ опасности для достоинства и неприкосновенности родного государства. Это вѣрно. Но это только видимость дѣла. Россія, Франція, Англія, Бельгія, Японія, Марокко и т. д.—всѣ, въ отдѣльности взятыя сознательно воюютъ противъ тевтонскаго дракона за свое отечество и за извѣстную значимость его на чашѣ международнаго равновѣсія. А по существу, въ области, такъ сказать, безсознательнаго, но ясно ощутимаго и непреодолимо чувствуемаго, они воюютъ за человѣка противъ звѣря, за человѣческое право противъ звѣриной силы, проливаютъ кровь за освобожденіе той Богообѣтованной земли, гдѣ «милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются» (Пс. 84, 11), ратуютъ за освобожденіе изъ-подъ ига грубой силы и «кулачнаго права» святыхъ идеаловъ христіанской и общечеловѣческой («душа по природѣ христіанка») культуры, устремленной къ любовному братству народовъ земли въ мирѣ и благоволеніи.

Въ этомъ смыслѣ и по существу настоящая война является мироискупительной, войной за освобожденіе мира отъ ига тевтонскаго на-

силія. Каждая капля крови и каждая капля слезъ, пролитыя въ этой міровой брани съ тевтонскимъ Соловьемъ-разбойникомъ, это—священная жертва на алтарь «мира мірови». И человѣчество благоговѣйно преклонится предъ этой великой искупительной жертвой «въ родъ и родъ».

Мы крѣпко вѣруемъ, что куреніе этой жертвы, восходящее къ небу, дойдетъ до Господа силъ: «дѣла рукъ Его—истина и судъ» (Пс. 100, 7), «Богъ отмщеній явитъ Себя» (Пс. 93, 1), и «укротитъ звѣря.., и разсыплетъ народы, желающіе браней» (Пс. 67, 31). Мы твердо уповаемъ, что послѣ скорбей миротворческой войны возсіяетъ солнце правды надъ новой, омытой кровью и слезами, землей — мира и любви, поелику не ложна заповѣдь Спасителя нашего: «блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими» (Мѳ. 5, 9). А «взявшіе мечъ мечемъ погибнутъ» (Мѳ. 26, 52), «яко съ нами Богъ!»

II.

Корчи земного шара.

Война... Сколько въ этомъ словѣ ужаса! Кровь человѣческой бойни, безпощаднаго взаимоистребленія, муки и физическія и нравственныя воиновъ, безутѣшныя слезы, разореніе и грядущія бѣдствія ихъ семействъ—вдовъ и малютокъ или стариковъ—отца съ матерью и т. д. и т. д. Вся эта длинная вереница кошмарныхъ ужасовъ заключается въ одномъ коротенькомъ словѣ—война. И это—война вообще. Что касается современной войны и въ частности нынѣшней міровой, то для нея нужно придумать особое слово, назвать ее войной мало. Тутъ міропотрясеніе! Тутъ корчи земного шара и предсмертное соборованіе цѣлыхъ государствъ, расъ и культуръ. Это вполнѣ понятно воюющимъ сторонамъ. Ставка ихъ на-лицо — «быть или не быть». А потому и бой идетъ на жизнь и смерть.

Теперь, представьте себѣ это землетрясеніе: воюютъ свыше 10 державъ — Россія, Франція, Англія, Бельгія, Сербія, Черногорія, Японія, Марокко съ одной стороны, а съ другой Германія, Австро-Венгрія, Албанія, и—не съ луками, стрѣлами и пращами въ рукахъ, а съ самыми послѣдними и адски усовершенствованными средствами человѣкоистребленія на землѣ и подъ землей, на водѣ и подъ водой и даже въ воздухѣ за облаками небесными. И вотъ съ такимъ-то всеоружіемъ генія смерти сходятся на полѣ брани, съ рѣшимостью—быть или не быть—десятки милліоновъ людей, обученныхъ по послѣднему слову военной науки человѣкоистребленію «на небѣ вверху, на землѣ внизу и въ водѣ ниже земли». Десятки милліоновъ предъ самымъ лицомъ смерти на полѣ битвы.

Другіе десятки милліоновъ—семейства воиновъ—это «гласъ въ Рамѣ, плачъ и рыданіе, и вопль великій; Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и

не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ» (Мѳ. 2, 18). Десятки милліоновъ семействъ обречены на безутѣшный стонъ и житейскія злостраданія и не только сами и теперь, но и въ будущемъ — въ своемъ ближайшемъ поколѣніи. А матеріальное истощаніе государствъ съ его неизбѣжными спутниками—гладомъ и моромъ, упадкомъ народнаго просвѣщенія и вообще гуманитарной и всякой другой культуры!... А неизбѣжныя поломки и застой въ механизмѣ государственной жизни! и т. д. и т. п.

Да, это сверхъ-война.

Это—всемірный потопъ въ крови и слезахъ. Въ ней чувствуется апокалипсическое дыханіе ада, по дѣйству коего «возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство; и будутъ глады, моры и землетрясенія» (Мѳ. 24, 7), а затѣмъ «выйдетъ звѣрь изъ земли... и будетъ заставлять всю землю и живущихъ на ней поклоняться звѣрю» (Откр. 13, 11—18).

Такъ намъ представляется значеніе настоящей міровой «брани» апокалипсическаго «звѣря» (лѣвая сторона войны—Германія, Австро-Венгрія и ихъ союзники) съ «Сыномъ Человѣческимъ» (правая сторона—во главѣ съ Россіей, Франціей и Англіей) съ точки зрѣнія количества ея жертвъ.

И мы, какъ и наши благородные союзники, съ кроткой покорностью Промыслу Божію, предъ неотвратимой логикой обстоятельствъ, «заставлявшихъ» насъ поклоняться «звѣрю изъ земли», вмѣсто Небеснаго Бога и Отца любви и мира, несемъ теперь свою великую жертву на святой алтарь мира всему міру, чтобы устранить, наконецъ, сатанинскую тираннію австро-германскаго милитаризма. Несемъ эту жертву, вынужденные объявленіемъ намъ войны дикими тевтонами; объявленіемъ войны, помимо всего прочаго — въ родѣ гнусной лжи объ ея причинахъ, дерзкимъ и оскорбительнымъ: по своему тону оно равнялось посылкѣ на Святую Русь и въ единокровныя и единовѣрныя ей славянскія государства — Сербію и Черногорію—карательныхъ экспедицій, «чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря» (Откр. 13, 15).

А образъ тевтонскаго звѣря намъ хорошо извѣстенъ. Это — «бронированный кулакъ», какъ символическій идолъ грубой силы и насилія. Образъ этого звѣря не можетъ не вызывать въ человѣкѣ чувства отвращенія и гадливости. А между тѣмъ тевтоны заставляли преклониться предъ нимъ «всяко колѣно». Вспомните, какъ швабскія власти издѣвались въ одномъ нѣмецкомъ городѣ надъ нашимъ генеральнымъ консуломъ, заставляя его въ буквальномъ смыслѣ преклонить колѣна предъ статуей Германіи!.. Тутъ что-то поистинѣ сатанинское! «Царь Навуходоносоръ сдѣлалъ золотой истуканъ... и послалъ собрать сатраповъ, намѣстниковъ, воеводъ, верховныхъ судей... и всѣхъ областныхъ правителей на торжественное открытіе истукана... и собрались... Тогда глашатай громко воскликнулъ: «объявляется вамъ, народы, племена и языки: въ то время, какъ услышите звукъ трубы... падите и поклонитесь золо-

тому истукану, который поставилъ царь Навуходоносоръ, а кто не падетъ и не поклонится, тотчасъ брошенъ будетъ въ печь, раскаленную огнемъ» (Дан. 3, 1—6). Развѣ это не похоже на объявленіе Вильгельмомъ II-мъ войны «народамъ, племенамъ и языкамъ» только изъ-за того, что они «не пали» предъ созданнымъ имъ истуканомъ Германіи съ «бронированнымъ кулакомъ», что они «не поклонились» «звѣрю» тевтонства?!.. Развѣ война, которую объявилъ «народамъ, племенамъ и языкамъ» берлинскій Навуходоносоръ въ видѣ «карательной экспедиціи», не похожа на «раскаленную огнемъ печь» для ослушниковъ Навуходоносора вавилонскаго?!.. Сходство тутъ осязательное! Навуходоносоръ и апокалипсическій звѣрь это—альфа и омега осатанѣвшаго Гогенцоллерна. Австро-германскій звѣрь милитаризма отвратителенъ для человѣчества и съ другой стороны.

Онъ мерзокъ своей прожорливостью и страшенъ своею пастью молоха, готоваго поглотить все и всѣхъ.

Онъ гомерически пожиралъ духовное и матеріальное достояніе и своего родного логовища—въ швабскихъ имперіяхъ—и другихъ странъ земли.

III.

Тевтонскій звѣрь.

Вспомните или учтите, во что за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ обошлась міру вакханалія германо-австрійскаго милитаризма; эти милліонныя арміи, ихъ вооруженіе, содержаніе, обученіе, эти многочисленныя крѣпости, эти флоты на водѣ, подъ водой и въ воздухѣ; все это стоитъ многихъ милліардовъ въ годъ и все это за счетъ мирныхъ тружениковъ, зачастую нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба.

Тевтонскій «кулакъ» непрерывно и все болѣе и болѣе «бронировался» изо всѣхъ силъ австро-германскаго міра, и умственныхъ, и матеріальныхъ. «Бронировался» и грозилъ «народамъ, племенамъ и языкамъ».

Всѣ государства земли это видѣли, угрозу осязали. Понимали они и то, что тевтонскій звѣрь всегда равенъ себѣ; какимъ онъ былъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такимъ онъ остался и теперь: человѣческая культура, въ которую рядился онъ, это—чужая одежда для тевтона, напяленная имъ не по росту и на-время лишь; надлежащимъ же образомъ, до глубины души, культивировать шваба это все равно, что мыть еѳіопа въ надеждѣ сдѣлать его бѣлымъ.

Знали это народы земли и, въ памятованіи мудраго изреченія: «хочешь мира, готовься къ войнѣ», съ своей стороны, въ виду угрозы— «бронированнаго кулака», напрягали всѣ свои силы духовныя и матеріальныя, весь геній своей изобрѣтательности, на забронированье своихъ государствъ отъ возможныхъ опасностей. И иначе быть не могло: не знаешь, что и когда звѣрю взбредетъ въ голову...

Итакъ, Молохъ милитаризма устраивалъ свои оргіи. Онъ безпощадно пожиралъ лучшее достояніе человѣчества. А человѣчество за это самое въ постоянномъ трепетѣ и вѣчныхъ мукахъ безпокойства и опасеній, только преклоняло колѣна предъ страшнымъ идоломъ; а если и отвлекалось въ сторону отъ него и занималось чѣмъ-нибудь другимъ, поистинѣ культурнымъ, творческимъ, благополезнымъ міру, возвышеннымъ, то съ такимъ лишь вниманіемъ и спокойствіемъ, съ какимъ можно предаваться наукѣ, искусству или поэзіи въ звѣринцѣ, въ которомъ клѣтки съ голодными львами и тиграми открыты... Наконецъ, страшный часъ пробилъ!

Тевтонскій звѣрь, истосковавшись по свѣжей крови, сбросилъ съ себя чужое покрывало культуры, оскалилъ свои страшные зубы и смертоносно зарычалъ на весь міръ. Культурное человѣчество, уставшее отъ мукъ вѣчной угрозы, отвѣтило на рычаніе звѣря: «Да запретитъ тебѣ Господь!» Но звѣрь ринулся на человѣка. И вся семья цивилизованныхъ народовъ, съ вѣрой въ помощь Господа силъ и крикомъ: «Долой тевтонскаго звѣря! долой его капища, долой его тюрьмы и цѣпи!», вступила съ нимъ въ брань за миръ и правду въ мірѣ. Гнѣвъ мирныхъ народовъ великъ, строгъ и справедливъ, и будетъ «судъ безъ милости неоказавшему милости» (Іак. 2, 13).

Великую жертву принесемъ мы, христіане, въ этой брани суда. Но великъ будетъ и плодъ ея. Вспомнимъ, что при рожденіи Искупителя рода человѣческаго, которое воспѣто воинствомъ небеснымъ въ славословіи—«Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе»,—Иродъ умертвилъ 14 тысячъ младенцевъ. Вспомнимъ, что, при искупительной смерти Спасителя нашего, «сдѣлалась тьма по всей землѣ», «померкло солнце», и «земля потряслась». Но этою смертью попрана смерть и дарована жизнь «сущимъ во гробѣхъ».

Съ сыновней кротостью предъ волей Отца Небеснаго, приняли мы ниспосланное намъ испытаніе и «съ глубокой вѣрой въ правоту нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыслъ» (слова Высоч. ман.) несемъ мы свою жертву на алтарь мира. «Господь видитъ, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло..., дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію» народовъ (слова Высоч. ман.). Вотъ лучезарное сіяніе изъ свѣтоносныхъ и миро-благоухающихъ глаголовъ Помазанника Божія, возлюбленнаго Государя нашего Императора, надъ міровой бранью народовъ земли. Въ немъ залогъ и обѣтованіе нашей побѣды надъ врагомъ. Въ немъ новое небесное явленіе Константину Великому креста съ надписью: «*симъ побѣждай*».

«Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю» (Мѳ. 5, 5), заповѣдалъ Спаситель. Въ этой заповѣди Кроткаго и Сильнаго въ брани—жи-

вой источникъ нашей увѣренности, что дни тевтонскаго кумира сочтены и что на нашихъ глазахъ сокрушится онъ, наконецъ, въ прахъ и пепелъ, «яко съ нами Богъ»!

IV.

Коронованный Донъ-Кихотъ.

Размышляя объ исходѣ настоящей міровой войны, нельзя не остановить своего вниманія на центральной фигурѣ этого небывалаго еще въ исторіи человѣчества событія—на личности германскаго императора Вильгельма II-го.

Что это, съ позволенія сказать, за человѣкъ? На этотъ вопросъ имѣется два отвѣта. Одинъ — словомъ и дѣломъ даетъ самъ Вильгельмъ и Комп. тевтоновъ; а другой — чистый и богобоязненный разумъ посторонняго наблюдателя. По первому—нѣмецкій кайзеръ—и Юлій Цезарь, и Наполеонъ I, и Цицеронъ, и Аристотель, и Кантъ, и Гете, и Вагнеръ, и Лютеръ, и Бисмаркъ и т. д. и т. д.; словомъ, это—гордость міра, это—послѣдній и наивысшій представитель на землѣ силы, власти, могущества и человѣческаго генія во всѣхъ его развѣтвленіяхъ; это—живая сумма и неувядающій букетъ всего великаго, высокаго и благороднаго, что только до сихъ поръ явило и вообще можетъ явить міру человѣческое творчество; это — богъ земного шара и единственный наслѣдникъ достоянія всѣхъ божествъ Олимпа.

Это, говоримъ, отвѣтъ Вильгельма и Комп.: это — Вильгельмъ, такъ сказать, въ нѣмецкомъ переводѣ.

Другой отвѣтъ, т. е.—разумнаго наблюденія со стороны, можно найти въ знаменитомъ письмѣ запорожскихъ казаковъ къ турецкому султану—«свынячя ты пыка и нашего Господа Бога дурэнь»: это коронованный сверхъ-Донъ-Кихотъ «по ту сторону добра и зла»; это тевтонскій Неронъ или Каракалла, тоскующій о томъ, что все не-нѣмецкое человѣчество «не имѣетъ одной головы, чтобы покончить съ нимъ разомъ»; это—безнадежный маньякъ, воображающій себя, въ хроническихъ припадкахъ маніи величія и самообожанія, полнымъ хозяиномъ въ законахъ Божескихъ и человѣческихъ; а въ религіозномъ освѣщеніи это—одинъ изъ предтечъ послѣдняго антихриста.

Вотъ что такое Вильгельмъ въ подлинникѣ, Вильгельмъ объективный.

Исторія психическаго разстройства этого трагикомическаго выродка Гогенцоллерновъ несложна. Съ необузданнымъ нахальствомъ повелителя «культурнѣйшихъ» и «сильнѣйшихъ» въ мірѣ государствъ Вильгельмъ брался за все.

«Культурнѣйшіе» тевтоны, видя въ немъ самихъ себя, свой образъ и подобіе, разумѣется, превозносили своего кайзера до небесъ и воскуряли

ему ѳиміамъ поклоненія и у себя на родинѣ, и за ея границами, «даже до края земли».

И еще бы не такъ: вѣдь Вильгельмъ это—собирательный нѣмецъ, а нѣмцы—это—разбросанный Вильгельмъ.

А «край земли», повѣривъ «на-слово» въ величіе гевтонской «культуры» и «силы» и какъ бы загипнотизированный славословіемъ ихъ, тоже, хотя и «про себя», напѣвалъ оды берлинскому папѣ современной «культуры и могущества». Кайзеръ всюду и всегда дышалъ, такимъ образомъ, одуряющими куреніями славы и преклоненія, и въ результатѣ—«какой великій артистъ погибаетъ»!..

На самомъ дѣлѣ. Развѣ не «по ту сторону добра и зла», здраваго ума и твердой памяти, стыда и совѣсти, все то, что творитъ нынѣ коронованный Донъ-Кихотъ берлинскій, со своимъ коронованнымъ же Санчо-Пансо изъ Вѣны!

Одержимый маніей величія, тевтонскій Навуходоносоръ рѣшилъ «въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера, взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему» (Исаіи 14, 13—14).

«Рѣшено» это кайзеромъ, значитъ, по его всемогущей логикѣ, это и «должно быть».

А «рѣшено» имъ не больше не меньше какъ слѣдующее: поработить «благородному» тевтонству всѣхъ «славянскихъ свиней» на Балканскомъ полуостровѣ, сущихъ въ Австріи, Сербіи, Черногоріи, Болгаріи, Румыніи и т. д.; затѣмъ, обезпечивъ себѣ тылъ разгромомъ Франціи (страны «дикарей», по выраженію одного изъ сыновей Вильгельма), сокрушить царство «свиней и собакъ» (буквальное выраженіе Вильгельма)—Россію, а засимъ разнести или терроризовать только «бронированнымъ кулакомъ» Англію, стоящую на пути «будущаго Германіи на морѣ» (пророчество Вильгельма), и «объявить всѣмъ народамъ, племенамъ и языкамъ» земли (Дан. 3, 4—6) нѣмецкую гегемонію подъ скипетромъ Вильгельма II, короля Пруссіи, императора Германіи и царя Вселенной...

Давно уже гноился и зрѣлъ въ больной душѣ берлинскаго завоевателя этотъ нарывъ.

Дѣло стояло только за внѣшнимъ толчкомъ, какимъ бы то ни было (для «культурнаго» лишь приличія) поводомъ, чтобы этотъ нарывъ прорвался и «неустрашимый рыцарь» Вильгельмъ ламанчскій, вскочивъ на своего Россинанта, ринулся въ полную грозныхъ опасностей даль къ своей Дульцинеѣ табозской, въ образѣ всесвѣтной гегемоніи тевтоновъ.

Поводъ, наконецъ, нашелся. Въ боснійскомъ городѣ Сараевѣ какой-то Принципъ убилъ австрійскаго престолонаслѣдника Фердинанда, столь же «неустрашимаго» тевтонскаго рыцаря, какъ и Вильгельмъ. «О!..—воспылалъ гнѣвомъ Зевса кайзеръ берлинскій,—это преступленіе можетъ быть

искуплено только кровью всего не-нѣмецкаго міра: я обнажаю свой мечъ и съ честью вложу его въ ножны»...

И вотъ изъ-за этого неизвѣстнаго міру Принципа вспыхнулъ пожаръ принципіальной міровой войны и поднялся ураганъ кровавой борьбы народовъ за принципъ мира, томящагося въ «вавилонскомъ плѣну» тевтонскаго Навуходоносора.

Броненосный тиранъ мира, Вильгельмъ II, началъ тутъ съ того, что повелѣлъ своему Санчо изъ Вѣны отправить въ Сербію (предполагаемый очагъ славянскаго заговора противъ нѣмецкаго міра вообще и эрцгерцога Фердинанда въ—частности) карательную экспедицію (съ лишеніемъ, значитъ, державнаго государства «правъ состоянія»); а въ случаѣ сопротивленія открыть ей «печь огненную», т. е. объявить войну. Австріей было сдѣлано это послѣднее. И многострадальная Сербія, православное, славянское государство, приговорена была къ политической смерти.

Святая Русь, вѣковое пристанище и якорь балканскаго славянства на его политическомъ «морѣ, воздвизаемомъ напастей бурею», не могла, разумѣется, и на этотъ разъ остаться равнодушной къ судьбѣ единоплеменной и единовѣрной ей Сербіи. Для Святой Руси вѣдь впереди всякой дипломатіи и логическихъ указаній въ области международной политики и экономики стоитъ Слово Божіе. А въ немъ мы читаемъ: «Доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ» (Гал. 6, 10); «если же кто о своихъ... не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго» (I Тим. 5, 8). Въ виду этого Россія вступилась за Сербію. Но брань огня, меча и крови — не ея стихія. И она выступила тутъ во весь ростъ своей славянской натуры со словомъ кротости, прощенія и мира. Она употребила въ этомъ смыслѣ всѣ свои усилія до конца, чтобы уладить сараевское дѣло съ правдой и миромъ. Но успѣха не имѣла. Да и не могла имѣть. Вѣдь сараевское дѣло для Вильгельма важно было не само по себѣ, а только какъ поводъ для выхода его на путь покоренія народовъ земли. (Объ Австріи не упоминаемъ: она тутъ alter ego Вильгельма, лицо подставное.) А на этомъ пути прусскій Наполеонъ неудержимъ, неустрашимъ и въ средствахъ абсолютно неразборчивъ. Самое варварское вѣроломство, самая позорная ложь, самое кровожадное звѣрство «огня и меча», самый изступленный вандализмъ и самый омерзительный терроръ,—все это—его «рыцарскіе» доспѣхи для «завоеванія міра». Человѣчность—въ видѣ «милости и истины, правды и мира»—это смертельный врагъ берлинскаго Аримана. Вспомните, что проповѣдывалъ землякъ Вильгельма—философъ Нитцше: «Падающаго подтолкни, слабаго добей»; и коронованный тевтонъ-«завоеватель» только такую «филсофію» и могъ усвоить.

Поэтому мирная русская защит слабой Сербіи отъ тевтонскаго погрома для Вильгельма оказалось—«горохомъ въ стѣну».

V.

Современный Навуходоносоръ.

Россія, «не напрасно носящая мечъ, какъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое» (Рим. 13, 4), вынуждена была заявить о своей готовности оружіемъ отстаивать правое дѣло и принять соотвѣтствующія тому мѣры.

Нѣмецкій Аттила приходитъ въ неистовство: какая-то-де Россія дерзаетъ ему прекословить,—объявить ей войну! И Россіи объявляется война сначала Германіей, а затѣмъ Австріей.

А casus belli—причина войны? Гдѣ, въ чемъ онъ? Да по существу въ томъ, что Россія осмѣлилась не исполнить распоряженія Вильгельма о прекращеніи ею военныхъ мѣропріятій въ виду снаряженной въ Сербію «карательной экспедиціи». Но открыто сознаться въ этомъ кайзеру показалось «некультурнымъ». И вотъ онъ urbi et orbi несетъ наглѣйшую и лицемѣрнѣйшую ложь—будто бы Россія (кстати сказать, не разъ спасавшая отъ гибели Германію и Австрію) «напала на Германію самымъ низкимъ образомъ», такъ какъ «надъ Бельгіей летаютъ французскіе аэропланы» (?), будто бы она «хочетъ лишить нѣмецкій народъ, численность котораго чрезъ 25 лѣтъ возрастетъ до 200 милл. (предполагается, что другіе народы земли эти 25 лѣтъ будутъ въ летаргическомъ снѣ ради тевтоновъ), послѣднихъ его клочковъ земли» и т. д. и т. д.

Какъ бы то ни было, Вильгельмъ объявилъ войну Россіи, а за ней и другимъ державамъ міра, не признавшимъ гегемоніи «бронированнаго кулака». Ужасная война началась. И тутъ же обнаружилось, что тевтонскій драконъ объявилъ, оказывается, войну и Богу, и человѣчеству: всѣ законы—и божескіе, и человѣческіе, и международные имъ порваны и поруганы. Онъ двинулъ свои дикія орды на самый первобытный разбой съ неслыханными въ мірѣ звѣрствами и безпощаднымъ вандализмомъ по отношенію ко всѣмъ святынямъ и религіи, и человѣческой культуры. Вопреки международнымъ договорамъ, неприкосновенность которыхъ гарантировала и сама Германія, онъ грабительски занимаетъ своими полчищами территорію невоюющихъ съ нимъ государствъ (Люксембурга и Бельгіи) и звѣрствуетъ тамъ въ ярости безсилія выполнить начертанное имъ съ сатанинскою гордыней «расписаніе» своего «подвига» подвиговъ, т. е., «молніеносно»—въ теченіе одного лишь мѣсяца—сокрушить и повергнуть къ своему тевтонскому подлапію всѣ сосѣднія державы...

Вотъ—«образъ звѣря, выходящаго изъ земли» швабовъ, самъ по себѣ и въ отношеніи его къ настоящей міровой войнѣ за миръ человѣчества.

Образъ этотъ страшенъ и гнусенъ въ своихъ сатанинскихъ чертахъ безбожія и безчеловѣчности.

Но въ этомъ самомъ—его погибель и основаніе нашей надежды на побѣдное торжество нашего и союзнаго воинства. «Богъ поругаемъ не бываетъ», а «всѣ дѣла Его истинны и пути праведны, и Онъ силенъ смирить ходящихъ гордо» (Дан. 4, 34); «Богъ гордымъ противится» (Іак. 4, 6),—«Онъ и ангеловъ, согрѣшившихъ (гордынею), не пощадилъ» (2 Петр. 2, 4; Іуд. 1, 6; ср. Ис. 11—12).

Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, какъ и его тевтонское повтореніе въ образѣ Вильгельма II-го, «говорилъ въ сердцѣ своемъ: «Взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой... буду подобенъ Всевышнему», но вотъ что читаемъ мы у пророка Исаіи въ «побѣдной пѣснѣ на царя Вавилонскаго»: «Какъ не стало мучителя—пресѣклось грабительство! Сокрушилъ Господь жезлъ нечестивыхъ, скипетръ владыкъ, поражавшій народы въ ярости ударами неотвратимыми, во гнѣвѣ господствовавшій надъ племенами съ неудержимымъ преслѣдованіемъ. Вся земля отдыхаетъ, покоится, восклицаетъ отъ радости... съ тѣхъ поръ, какъ ты заснулъ... Адъ преисподній пришелъ въ движеніе ради тебя, чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоемъ; пробудилъ для тебя рефаимовъ, всѣхъ вождей земли; поднялъ всѣхъ царей языческихъ съ престоловъ ихъ. Всѣ они будутъ говорить тебѣ: и ты сдѣлался безсильнымъ, какъ и мы! и ты сталъ подобенъ намъ! Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ... Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! разбился о землю попиравшій народы. А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера; взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему. Но ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней. Видящіе тебя всматриваются въ тебя, размышляютъ о тебѣ: тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства, вселенную сдѣлалъ пустынею и разрушалъ города ея; плѣнниковъ своихъ не отпускалъ домой? Всѣ цари народовъ, всѣ лежатъ съ честью, каждый въ своей усыпальницѣ; а ты поверженъ внѣ гробницы своей, какъ презрѣнная вѣтвь...,—ты, какъ попираемый трупъ, не соединишься съ ними въ могилѣ; ибо ты разорилъ землю твою, убилъ народъ твой: во вѣки не помянется племя злодѣевъ. Готовьте закланіе сыновьямъ его за беззаконіе отца ихъ, чтобы не возстали и не завладѣли землею и не наполнили вселенной непріятелями» (Ис. 14, 4—21).

Да обратитъ Господь Богъ мира и любви эти слова Своего пророка въ предсказаніе о Навуходоносорѣ нашего времени, «наполнившемъ вселенную непріятелями» и обратившемъ земной шаръ въ комъ дикообраза, обросшій штыковыми иглами. И мы вѣримъ, что обратитъ! Часть Божьей кары на царя Вавилонскаго, вѣдь, ужъ исполнилась на Вильгельмѣ. «Расхаживая по царскимъ чертогамъ въ Вавилонѣ, Навуходоносоръ..., когда сердце его надмилось и духъ его ожесточился до дерзости..., сказалъ:

«Это-ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домъ царства силою моего могущества и во славу моего величія!» Еще рѣчь сія была въ устахъ царя, какъ былъ съ неба голосъ: «Тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ: царство отошло отъ тебя! И отлучатъ тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями... Тотчасъ и исполнилось это слово надъ Навуходоносоромъ, и отлученъ онъ былъ отъ людей... волосы у него выросли, какъ у льва, и ногти у него—какъ у птицы... сердце его уподобилось звѣриному, и жилъ онъ съ дикими ослами» (Дан. 4, 26—30; 5, 19—21). А развѣ Вильгельмъ, какъ то видно теперь всему міру, не «озвѣрѣлъ» уже? Не «отлученъ отъ сыновъ человѣческихъ» всѣми культурными людьми вселенной за свои звѣрства? И развѣ не «живетъ онъ теперь только «съ дикими ослами»?..

А другой герой Вильгельма—антихристъ? Онъ будетъ «превозноситься выше всего, называемаго Богомъ, или святынею, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога. Но «Господь Іисусъ убьетъ его духомъ устъ Своихъ, и истребитъ явленіемъ пришествія Своего» (2 Ѳесс. 2, 3—8).

Какъ «превозносится выше всего» и какія надругательства творитъ надъ всѣми самыми высокими святынями человѣчества тевтонскій предтеча антихриста,—свидѣтелемъ тому весь міръ; вѣримъ, поэтому, что не укоснитъ надъ нимъ и Судъ Божій.

Валтасары берлинскаго Навуходоносора «сдѣлали великое пиршество» кровавой міровой оргіи и «пьютъ изъ сосудовъ, взятыхъ изъ святилища Дома Божія». Но рука Господня, вѣруемъ, пишетъ уже «на стѣнахъ ихъ чертога царскаго» свои огненныя слова приговора: «мене, мене, текел, упарсин» (Дан. 5 гл.). «Вѣрою разумѣваемъ», что кровь этого «великаго пиршества» явится румяной зарей предъ восходомъ того Солнца Правды, подъ лучами котораго возликуетъ земля, въ «лѣто Господне благопріятное» и «плѣнныхъ освобожденія» (Лк. 4, 18—19), радостью мира и покоя. Вѣримъ въ это, чувствуемъ это грядущее для насъ и «всѣхъ труждающихся и обремененныхъ», «яко съ нами Богъ»!

VI.

Кайзеръ—людоѣдъ.

Незыблемую увѣренность въ побѣдоносномъ для насъ исходѣ настоящей міровой войны даетъ намъ самое начало этой потрясающей драмы вселенскаго междоусобія.

«Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша», пишетъ ап. Іоаннъ Богословъ (I Іоан. 5, 4). И это очевидный всѣмъ фактъ. А гдѣ его причина? Мы находимъ ее въ словахъ Спасителя къ ученикамъ своимъ: «Сіе

сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ» (Іоан. 16, 33). Это слова Того Человѣколюбца, Который говорилъ еще устами пророка Исаіи: «Господь помазалъ меня благовѣствовать нищимъ, послалъ меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и узникамъ открытіе темницы, проповѣдывать лѣто Господне благопріятное и день мщенія Бога нашего; утѣшить всѣхъ сѣтующихъ... и назовутъ ихъ сильными правдою, насажденіемъ Господа во славу Его... Вы будете пользоваться достояніемъ народовъ и славиться славою ихъ. Ибо Я, Господь, люблю правосудіе, ненавижу грабительство съ насиліемъ, и воздамъ награду имъ поистинѣ» (Ис. 61, 1—8).

Вотъ наша цитадель и «стѣна нерушимая», при мысли о конечномъ исходѣ настоящаго міропотрясенія. И если мы глянемъ теперь съ этой «цитадели» на начало разразившейся страшной войны противъ врага рода человѣческаго, то ясно увидимъ, на чьей сторонѣ Тотъ Человѣколюбецъ, слова Котораго мы сейчасъ привели, съ кѣмъ Тотъ, Кто «побѣдилъ міръ». Кто «возвѣститъ народамъ судъ... и доставитъ суду побѣду» (Мѳ. 12, 18—20).

«Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ», и посмотримъ.

Верховный Вождь Святой Руси благословляетъ свое христолюбивое воинство выступить противъ супостатовъ на защиту Отечества «съ желѣзомъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ». Войска нашихъ благородныхъ союзниковъ напутствуются наставленіемъ «бояться Бога» (приказъ англійскаго главнокомандующаго лорда Китченера). Даже язычникъ — японскій микадо—назидаетъ свои боевыя силы воинствовать «въ предѣлахъ международныхъ законовъ».

А супостаты наши—тевтонскіе «рыцари»? Увы, ими тутъ все это не только забыто, но и открыто поругано самымъ гнуснымъ образомъ — и «Богъ», и «крестъ», и «международные законы». Вильгельмъ и сыновья объявили всѣхъ своихъ противниковъ за «собакъ, свиней и дикарей», и распорядились, чтобы, во имя «культуры», «благородные» тевтонскіе меченосцы всячески истребляли ихъ и какъ можно больше, со всѣмъ ихъ достояніемъ — и личнымъ, и государственнымъ, и культурно-историческимъ, словомъ, предали смерти все не-нѣмецкое, и безпощадно, не считаясь ни съ какими законами, кромѣ воли кайзера-людоѣда.

Достойно вниманія, что разбойничій наскокъ банды «Вильгельмъ и С—вья», этого позора Европы XX вѣка, въ данномъ случаѣ поддерживаетъ даже швабская соціалъ-демократія, такъ космополитически воспѣвавшая «свободу, равенство и братство» въ соціальной и экономической жизни народовъ, и такъ кичившаяся своей интернаціоналкой!.. Очевидно, до сего времени тевтонскій звѣрь прятался отъ людей въ самыя разно-

образныя шкуры, и только теперь не выдержалъ и обнажилъ предъ всѣмъ міромъ свой натуральный видъ...

И вотъ тевтонская орда понесла свою «культуру» въ «темныя царства дикарей, собакъ и свиней», т. е. воюющія со швабами государства. Понесла ее въ такомъ откровенно-трогательномъ видѣ, что прахъ Атиллы, надо думать, пришелъ въ содроганіе отъ зависти христіанскимъ культуртрегерамъ послѣднихъ дней...

Чувствуя, вѣроятно, свою «культурную» кончину, тевтоны рѣшили оставить человѣчеству «на память» свою фотографическую карточку «во весь ростъ». Карточка эта въ настоящей войнѣ уже «проявляется» ими. И «проявляется» по особому нѣмецкому способу, — посредствомъ... грабежа, насилія и звѣрства. Изобразить перомъ всю омерзительность этого подвига тевтонскихъ рыцарей трудно. Человѣческій языкъ для этого слишкомъ бѣденъ и мертвъ. Это могло бы сдѣлать только какое-либо чудесное перо—живое, которое видѣло бы, слышало бы, фотографировало бы чувство людей во всѣхъ его глубинахъ и изгибахъ, говорило бы съ самымъ человѣческимъ существомъ и плакало кровью.

Достаточно отмѣтить, что предъ тевтонскими звѣрствами содрогается въ негодованіи весь міръ и «блюдетъ на день суда» ихъ «скорбный листъ»; а очевидцы ихъ буквально теряютъ разсудокъ отъ ужаса и помѣщаются затѣмъ въ дома для умалишенныхъ. И, поистинѣ, есть отъ чего! Вѣдь, кровь стынетъ въ жилахъ отъ однихъ лишь сообщеній о томъ, что творится тевтонами!

Раненые воины подвергаются инквизиціоннымъ пыткамъ и добиваются, иногда перепиливаніемъ горла. Сотни бѣдныхъ [illegible]ковъ заживо погребаются въ подземельяхъ-шахтахъ, засыпаемыхъ землею. Цѣлыя селенія мирныхъ жителей безпощадно вырѣзываются, безъ различія пола и возраста. Дѣти, даже младенцы, на глазахъ родителей, звѣрски истязуются, уродуются, предаются гнуснымъ изнасилованіямъ и бросаются въ огонь и въ воду, или растаптываются ногами и выкидываются изъ вагоновъ на ходу поѣзда. Слипающіеся отъ крови уста мучениковъ-малютокъ судорожно взываютъ изъ смертной пасти къ защитѣ... «папы и мамы», этихъ всесильныхъ въ дѣтскомъ представленіи покровителей; а «папа и мама», остолбенѣвшіе отъ ужаса, безсильные и безгласные, тутъ же, въ лучшемъ случаѣ, разстрѣливаются или нанизываются на одну висѣличную веревку, а въ худшемъ, у «папы» вырѣзываютъ предварительно ремни живого мяса, отсѣкаютъ уши, носъ, языкъ и т. д., а «мама» предъ умерщвленіемъ подвергается, подъ дикій и пьяный хохотъ озвѣрѣвшихъ разбойниковъ, гнуснымъ истязаніямъ насилія и калѣченія. Такимъ же пыткамъ предаются на глазахъ другъ друга—братъ и сестра, женихъ и невѣста, и т. д., и т. д. О болѣе мелкихъ случаяхъ мучительства, какъ-то, переломить больному ногу, сорвать съ него «съ мясомъ»

больничный бинтъ, угостить прикладомъ ружья и старца, и малютку, потаскать ихъ (за волосы иногда) изъ острога въ острогъ «сквозь строй» озвѣрѣвшей толпы, подъ ея плевками, заушеніями и дрекольями, обыскать съ омерзительнымъ цинизмомъ раздѣтыхъ до-нага мать и дочь на глазахъ этой толпы и избить ихъ затѣмъ до ссадинъ и синяковъ, подвергнуть смертельнымъ голоду и жаждѣ плѣнниковъ (т. е. неуспѣвшихъ ко времени войны покинуть нѣмецкую территорію) на скотныхъ стойлахъ въ грязи и подъ открытымъ небомъ, или обратить ихъ въ каторжниковъ на швабскихъ плантаціяхъ и т. п., говорить ужъ не будемъ. Слишкомъ много ихъ и по количеству, и по качеству. И все это терпятъ мирные жители, которые и «льна курящагося не угасили»!

Боже мой! сколько тутъ, кромѣ видимой крови мучительства, еще незримаго душевнаго истязанія!

Вѣдь сообщенія о тевтонскихъ звѣрствахъ даютъ намъ, такъ сказать, только остовъ злодѣйства. Напр., мы читаемъ:

«ПАРИЖЪ. Пріѣхавшіе сюда разсказываютъ о невѣроятныхъ варвар[illegible] нѣмецкихъ солдатъ въ бельгійскихъ городахъ. Въ одномъ городѣ германскій солдатъ поддѣлъ на штыкъ маленькаго ребенка бывшаго на рукахъ у матери. Другой солдатъ отсѣкъ у матери грудь. Солдаты разстрѣливали дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 3—5 лѣтъ. Одинъ изъ бельгійцевъ не выдержалъ и закричалъ: «вѣдь вы же не звѣри». Тогда нѣмецкій унтеръ-офицеръ приказалъ отрѣзать у него языкъ, что и было исполнено». («Бирж. Изв.», 15 августа 1914 г., № 2148).

Коротко и ясно. А [illegible]ко тутъ, въ каждой строчкѣ извѣстія, трагедіи и ада, «сказа[illegible]» не можетъ»!.. Нужно при этомъ замѣтить, что такія и по[illegible]ныя звѣрства «тевтоны продѣлываютъ съ «рыцарскимъ» ухарствомъ, даже въ храмахъ Божіихъ, гдѣ они богохульно устраиваютъ пьяныя оргіи, насилуютъ женщинъ, выкалываютъ глаза на ликахъ святыхъ иконъ, грабятъ и попираютъ святыни и т. п. Невольно воскликнешь тутъ—«доколѣ, Боже, будетъ поносить врагъ? Вѣчно-ли будетъ хулить противникъ имя Твое?» (Пс. 73, 10—11).

Да не подумаетъ кто-либо, что тевтонскія звѣрства—плодъ осатанѣвшихъ только солдатъ. Нѣтъ, звѣрства эти планомѣрны, идейны. Творятся они «благороднымъ» военнымъ начальствомъ и по приказанію свыше. Вспомните слова Бисмарка, этой гордости тевтонскаго міра, сказанныя имъ въ 1870 году: «Нужно подвергнуть жителей взятыхъ странъ возможно большимъ страданіямъ и оставить имъ только глаза, чтобы они могли плакать».

Что касается швабскаго «грабительства съ насиліемъ», то распространяться о немъ не приходится: вспомните только, читатель, о чудовищныхъ, непосильныхъ контрибуціяхъ нѣмецкой орды на занятые ею города и селенія съ заложниками, обреченными на смерть въ случаѣ неуплаты тре-

буемой суммы; припомните о томъ, что тевтонскіе мародеры отрубали пальцы у раненыхъ, чтобы воспользоваться кольцами съ нихъ, отрывали у женщинъ уши, чтобы «унаслѣдовать,» какъ «призъ», ихъ серьги, и довольно!

Вотъ—въ краткихъ и слабыхъ чертахъ—«культурный» образъ тевтонскаго звѣря, съ которымъ онъ выскочилъ изъ «гадаринской» пещеры своего Vaterland'а на поле міровой брани съ «сыномъ человѣческимъ».

Какъ же, теперь, реагируютъ на тевтонскія звѣрства воюющія съ Австро-Германіей государства и ихъ воинство? Они съ чувствомъ гадливости и презрѣнія отворачиваются отъ этихъ звѣрствъ. Боясь Бога, имѣя крестъ въ сердцѣ своемъ и уважая международные законы, они не платятъ тутъ зломъ за зло. А какъ, въ частности, отвѣчаетъ на нихъ славянская душа? О... тутъ мы имѣемъ наглядное доказательство ея христіанскаго величія предъ скотскимъ ничтожествомъ тевтонства.

Вспомните два маленькихъ факта. Они очень малы по своему внѣшнему содержанію, но колоссально велики по своему внутреннему смыслу. Вотъ они.

Нѣмецкая сестра милосердія перепиливаетъ горло раненому французу, а простая сельская женщина-сербка съ нѣжной лаской поитъ молочкомъ раненаго австрійскаго солдата... Комментаріи, полагаемъ, излишни...

Ужели же, послѣ этого, для насъ можетъ быть вопросомъ, на чьей сторонѣ,—нашей, или враждебной намъ, Тотъ Многомилостивый Человѣколюбецъ, Который «ненавидитъ грабительство съ насиліемъ»?! Вѣримъ, надѣемся, чувствуемъ, видимъ, что Онъ, «Богъ любы», съ нами и за насъ! «Блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ» (Пс. 32, 12). За исходъ войны мы поэтому не боимся, «яко съ нами Богъ»,—«ибо Той побѣдитъ враги, яко всесиленъ».

VII.

Нашъ пасхальный агнецъ.

Тевтонскія звѣрства, при началѣ и первыхъ шагахъ настоящей міровой войны, сдѣлались уже для всего человѣчества общимъ мѣстомъ. О нихъ вопіютъ камни... Они скоро войдутъ, надо думать, въ пословицу, въ родѣ таковыхъ, какъ «погибоша, аки обре», «пропалъ какъ шведъ подъ Полтавой», и т. п. Касаться этихъ чудовищныхъ звѣрствъ съ фактической стороны мы сейчасъ не будемъ. Насъ интересуетъ здѣсь другое—ихъ психологія. Мы понимаемъ съ этой, психологической, стороны звѣрства Аттилы, Тамерлана и т. под. исчадій мрачнаго азіатскаго «дна»: страданія, пытки и кровь чуждаго имъ человѣчества—это—ихъ трофеи.

Но Вильгельмъ? Но тевтоны вообще?..

Вѣдь, вчера еще они были съ нами, въ семьѣ цивилизованныхъ народовъ земли, и раздѣляли съ нами, сидя на почетномъ мѣстѣ, «столъ яствъ»!

Гдѣ-жъ они теперь? А теперь они въ голомъ видѣ, въ шалашахъ дикой орды, съ варварскимъ гоготомъ и озвѣрѣніемъ пьютъ человѣческую кровь и закусываютъ сырымъ человѣческимъ мясомъ! Что такое случилось? Обезумѣли? Остервенѣли? Поражены припадкомъ людоѣдства цѣлыхъ двѣ нѣмецкихъ имперіи? Да, да и да!—страшнымъ и безпрекословнымъ отвѣтомъ на эти вопросы гудитъ глаголъ временъ—вчерашняго и нынѣшняго.

Да что же тутъ на самомъ дѣлѣ,—«мудрый Эдипъ, разрѣши»! И вотъ «мудрые» «разрѣшаютъ».

Одни говорятъ, что тевтоны по существу—несваримый для цивилизаціи элементъ; они тысячи лѣтъ уже тоскуютъ о звѣриныхъ шкурахъ и томятся подъ нарядной мантіей европейской культуры. Быть можетъ, это и правда. Другіе полагаютъ, что звѣрства у тевтоновъ имѣютъ стратегическій смыслъ: они хотятъ «на-смерть» устрашить мирное населеніе занятыхъ ими мѣстъ, чтобы не было нужды оставлять тутъ войска для охраны путей сообщенія и своего тыла. Можетъ быть, и это вѣрно. Третьи думаютъ, что звѣрь предъ неминуемой гибелью (какъ нынѣ—тевтонская орда варваровъ) бываетъ особенно свирѣпъ и неразборчивъ: «хоть часъ—да мой»; «горе живущимъ на землѣ и на морѣ, потому что къ вамъ сошелъ діаволъ въ сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (Откр. 12, 12). Четвертые утверждаютъ, что тевтоны своими звѣрствами хотятъ доказать міру, что они вообще никого и ничего не боятся, начиная отъ Бога и кончая комаромъ. Чтожъ, и тутъ, можетъ быть, есть доля правды.

Пусть—все это такъ. Но кровь-то и души ни въ чемъ неповинныхъ и мирныхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей?! Ужели это—только кролики въ анатомическомъ театрѣ экспериментальной хирургіи тевтонства? Ужели эти «души убіенныхъ... не возопили еще громкимъ голосомъ, говоря: доколѣ, Владыко Святый и Истинный, не судишь и не мстишь... за кровь нашу» (Откр. 6, 9, 10)?.. Конечно, для Бюхнера, Молешотта, Бебеля и Ко тевтоновъ, для которыхъ «человѣческая душа есть только сумма мозговыхъ клѣтокъ, а небо—только область ангеловъ да воробьевъ», «тактическія» звѣрства нѣмецкой орды—это сущіе пустяки.

Но не пустяки это и для умученныхъ, и для всѣхъ насъ—вѣрующихъ христіанъ. Для насъ тутъ—апокалипсическая трагедія человѣчества у подножія Владыки Святаго и Истиннаго. Поэтому и взглядъ у насъ на это—свой.

«Все почти по закону очищается кровію», пишетъ ап. Павелъ (Евр. 9 22). И мы вѣримъ, что кровь неповинныхъ жертвъ нѣмецкаго звѣрства—это для насъ кровь пасхальнаго агнца, какъ при выходѣ евреевъ изъ египетскаго рабства, «чтобы совершить служеніе Господу своему». Вѣримъ, что эта кровь на общей картинѣ Промысла Божьяго есть пасхальный знакъ

освобожденія міромъ мира изъ-подъ ига грубой силы и злобы, для служенія Господу своему въ обѣтованной странѣ правды и любви! Въ этой крови—«святое сѣмя стоянія» человѣчества!

Мы благоговѣйно лобзаемъ ее со слезами умиленія и благодарности, какъ кровь нашего земного искупленія, «средостѣнія вражды разрушившую и миръ введшую»...

И тевтонскому звѣрю не убить этого святого сѣмени!

«Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить», учитъ Христосъ (Мѳ. 10, 28).

А душа настоящей міровой войны и есть именно то, до чего не можетъ «коснуться рука скверныхъ»: это—«любовь, радость и миръ»—какъ непреложная воля Божія (Гал. 5, 22).

Фараонъ египетскій—изъ боязни еврейскаго размноженія—уничтожалъ всѣхъ израильскихъ младенцевъ мужескаго пола. Но не коснулся онъ Моисея, который потомъ вывелъ евреевъ изъ Египта въ страну Обѣтованную. Иродъ, встревоженный вѣстью о рожденіи Христа—«Царя Іудейскаго», избилъ всѣхъ младенцевъ виѳлеемскихъ. Но не убилъ онъ Младенца Іисуса—нашего Искупителя. И апокалипсическій «драконъ сталъ предъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужескаго пола, и восхищено было дитя ея къ Богу и Престолу Его. А жена убѣжала въ пустыню... И пустилъ змій изъ пасти своей вслѣдъ жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою. Но—земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей»... (Откр. 12, 4—17).

И въ настоящей міровой войнѣ не возымѣетъ успѣха тевтонское «чудище-обло, озорно, стозѣвно и лаяй»! Погибнетъ нѣмецкій ваалъ со всѣмъ шумомъ своимъ, и въ силѣ и славѣ своей войдетъ человѣчество въ Обѣтованную страну любви и мира.

Война наша противъ тевтоновъ за миръ для міра—свята и по своему началу, и по своему человѣколюбію, и по своей міровой—высокой и живоносной цѣли. И мы теперь уже, съ полнымъ дерзновеніемъ, можемъ крикнуть въ сторону нѣмецкой смерти и тевтонскаго ада: «Мы побѣдили Кровью Агнца и словомъ свидѣтельства своего» (Откр. 12, 14)! «Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда?» (1 Кор. 14, 55).

Не можетъ быть дикій насильникъ сильнѣе Всесильнаго, не будетъ и сильнѣе насъ, «яко съ нами Богъ»! Радуйтесь, праведные, о Господѣ и славьте память святыни Его»! (Пс. 96, 12).
